

РАЗДЕЛ 5. ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ

Ю. Косякова

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОБЗОР ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Развал Советского Союза и последовавшие за этим радикальные изменения экономических, политических и социальных институтов предоставляют уникальную возможность для изучения изменений в характере социального неравенства. Представленное здесь диссертационное исследование затрагивает ряд новых вопросов, касающихся последствий трансформации для формирования жизненных траекторий россиян и общих изменений в характере стратификационной иерархии. Во-первых, в данной работе уделено внимание гендерным аспектам социального неравенства на таком важном отрезке жизненного пути, как начало трудовой карьеры. Во-вторых, исследование затрагивает вопрос о неравенстве доступа и участия в дополнительном профессиональном образовании, которое люди приобретают уже в процессе своей трудовой карьеры. Наконец, в работе исследуется отдача от инвестиций в дополнительное профессиональное образование и ее дифференциация

* Часть результатов данного диссертационного исследования была получена в рамках работы над проектом eduLIFE, профинансированным European Research Council (ERC) в рамках European Union's Seventh Framework Programme (FP/2007-2013) / ERC Grant Agreement n. 269568. Автор также выражает благодарность за поддержку диссертационному совету, принимавшему защиту диссертации: научному руководителю Хансу-Петеру Блоссфельду, со-руководителю Дмитрию Куракину, Дэвиду Биллзу и Кларите Гершани.

Юлия Косякова — доктор социологии, старший научный сотрудник отдела международных сравнений и европейской интеграции, Институт исследований занятости (IAB), Нюрнберг, Германия (yuliya.kosyakova@iab.de)

Yuliya Kosyakova — Dr. (Sociology), Senior Researcher at the International Comparisons and European Integration department, Institute for Employment Research (IAB), Nuremberg, Germany. (yuliya.kosyakova@iab.de)

в зависимости от исходного уровня образования работников. Эмпирическая часть диссертации строится на данных Generations and Gender Survey и Education and Employment Survey, содержащих ретроспективную информацию об образовательных и профессиональных карьерах россиян в период с 1965 по 2005 г. Результаты исследования в целом свидетельствуют о том, что постсоциалистическая трансформация привела к заметному усилению социального неравенства в постсоветской России.

Ключевые слова: жизненный путь, социальное неравенство, социальная трансформация, начало трудового пути, дополнительное профессиональное образование, гендерное неравенство, гендерная сегрегация, Россия.

Введение

Теория жизненного пути (life course approach) рассматривает жизненную траекторию индивида как последовательность событий, каждое из которых в той или иной степени способно влиять на формирование будущего жизненного опыта. При определенных условиях это может провоцировать так называемый эффект Матфея (Merton 1968), согласно которому исходные преимущества имеют тенденцию накапливаться и усиливаться с течением времени, тем самым способствуя росту неравенства (Elman, O'Rand 2004; DiPrete, Eirich 2006). То, насколько сильно проявляет себя данный эффект в обществе, зависит от институционального устройства последнего (Elder et al. 2003), и результаты сравнительных международных исследований в целом подтверждают эту точку зрения (см., напр.: Buchmann, Charles 1995; Buchmann, Hannum 2001; Müller, Gangl 2003; Dieckhoff 2007).

Однако соответствующие научные факты основаны преимущественно на изучении обществ с относительно стабильным институциональным устройством. Несколько иной и по-своему свежий взгляд на проблему дает изучение процессов социальной стратификации в обществах с меняющейся институциональной структурой. В этом смысле контекст переходных обществ, к которым, безусловно, относится Россия, представляет несомненный интерес для социологов: коллапс социалистической системы и переход к рыночной экономике в России можно рассматривать как своего рода естественный эксперимент, в ходе которого «институциональный контекст общества претерпел радикальные изменения, при том, что сами люди остались самими собой» (Mayer 2006: 14). При определенных оговорках это позволяет изолировать влияние транс-

формации на структуру социального неравенства и формирование жизненных траекторий от влияния индивидуальных качеств.

Целью представленного здесь диссертационного исследования является изучение последствий постсоциалистической трансформации с точки зрения изменений в характере социальной стратификации российского общества. Конкретно исследование стремится ответить на следующие вопросы: 1) что представляло собой социальное неравенство в позднем социалистическом обществе?; 2) как на характере этого неравенства сказались постсоциалистическая трансформация и переход к рыночной экономике?; 3) какие процессы стоят за этими изменениями? При этом важно отметить, что принятое в исследовании представление о социальном неравенстве опирается на концепцию жизненного пути, т. е. социальное неравенство трактуется не столько как неравенство положений, сколько как неравенство, проявляющее себя в неодинаковости жизненных опытов индивидов. В соответствии с этим особый упор делается на анализ образовательных карьер, которые, как известно, играют важную роль в процессе социальной мобильности (Blau, Duncan 1969). Также важно подчеркнуть, что данная работа не стремится объять все пространство сюжетов, связанных с трансформацией социального неравенства в переходных обществах, но ставит перед собой цель заполнить очевидные пробелы в соответствующей литературе. В числе таких пробелов автором были выделены и подробно разрабатывались в рамках диссертации следующие сюжеты: 1) гендерное неравенство на старте трудовой карьеры (т. е. при первом вхождении на рынок труда), 2) неравенство в доступе к профессиональному образованию в процессе построения трудовой карьеры* в зависимости от исходного уровня образования и профессионального статуса; 3) неравенство в эффективности инвестиций в дополнительный человеческий капитал (профессиональное образование, полученное в процессе трудовой карьеры) в зависимости от исходного уровня образования. Ниже на рис. 1 представлена схема, отражающая общую структуру диссертационного исследования, ключевые исследовательские вопросы и связывающий их теоретико-методологический подход к изучению социального неравенства, который принят в данной работе.

* Необходимо пояснить, что в данном случае речь идет о полноценном профессиональном образовании (как очном, так и заочном), не включающем в себя краткосрочные курсы повышения квалификации или обучение на рабочем месте. Другими словами, участие в профессиональном образовании в процессе построения трудовой карьеры (adult education) предполагает временный возврат в систему формального образования.

Рис. 1. Теоретическая рамка диссертационного проекта и эмпирический подход

Постсоциалистическая трансформация и ее последствия с точки зрения изменений в характере социального неравенства неоднократно анализировались в существующей литературе — в диссертации содержится подробный обзор ключевых исследований по данному направлению (Kosyakova 2016, гл. 1 и 2). Однако для всех этих работ характерно одно принципиальное ограничение — недостаточный временной горизонт наблюдений, не позволяющий провести адекватное сравнение в характере индивидуальных жизненных траекторий до и после реформ (Kosyakova 2016: 188). В связи с этим еще одно принципиальное новшество представленной здесь диссертации состоит в используемом для эмпириче-

ского анализа источнике информации. Исследование опирается на объединенные данные Generations and Gender Survey (GGS) и Education and Employment Survey (EES), которые дают возможность в ретроспективе реконструировать образовательные и профессиональные карьеры респондентов до и после коллапса социалистической системы в России. Указанные данные позволяют восстановить информацию о жизненном опыте россиян в последние 25 лет существования СССР, т. е. в эпоху относительной социальной стабильности и защищенности, которые было призвано обеспечить социалистическое государство, а также о жизненном опыте россиян в первые 15 лет после реформ, т. е. в период радикальных и по-своему драматических преобразований, связанных с переходом к рыночной экономике.

Однако не только доступность уникальных ретроспективных данных делает Россию привлекательным объектом для изучения. С социологической точки зрения, Россия также интересна по следующим причинам. Во-первых, будучи основообразующим государством в составе СССР социалистическая Россия представляла собой идеальную модель системы государственного социализма, т. е. являлась носителем ее сущностных черт, которые, по мнению некоторых авторов, уходят глубоко корнями в российскую историю и культуру (Hedlund 2013). Коммунистическая идеология, пронизывавшая все аспекты социальной и экономической жизни, пользовалась широкой поддержкой среди российского населения сравнительно долго — социалистический порядок просуществовал в России более 70 лет, т. е. намного дольше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ) (Gerber, Hout 1998). Во-вторых, в России радикальные рыночные преобразования, при общем сходстве с аналогичными процессами в странах ЦВЕ, привели к беспрецедентному по своему масштабу экономическому и социальному коллапсу (The World Bank 2002). В-третьих, по мнению ряда авторов, при радикальном обновлении формальных институтов, регулирующих взаимодействия в политической, социальной и экономической сферах, в постсоветской России весьма устойчивыми оказались многие неформальные нормы и практики, унаследованные от прежнего общественного уклада (Фрумин, Кузьминов, Семенов 2013; Kapeliushnikov et al. 2011; Burawoy, Krotov 1992; Hedlund 2013).

Ниже будут коротко представлены основные результаты диссертационного исследования и проведено их обсуждение в контексте существующих представлений о последствиях постсоциалистических трансформаций для социального неравенства. В последнем разделе статьи будут

перечислены ограничения анализа и на их основе сформулированы предложения и пожелания для планирования будущих исследований.

Основные результаты исследования

Первая часть эмпирического анализа в диссертационном исследовании посвящена тому, как переход от социализма к рыночной экономике повлиял на характер гендерного неравенства в начале трудового пути, а именно — горизонтальную и вертикальную дифференциацию между мужчинами и женщинами при первом выходе на рынок труда (Kosyakova 2016, гл. 5; см. также Kosyakova et al. 2015). Под горизонтальной дифференциацией подразумевается неравенство в распределении по различным секторам экономики, тогда как под вертикальной — неравенство в доступе к руководящим позициям в организациях. Постсоциалистические страны особенно интересны в указанном отношении, поскольку равенство между мужчинами и женщинами во всех сферах общественной жизни, в том числе трудовой, было одним из основных идеологических императивов социалистической системы.

Однако, как выяснилось в результате эмпирического анализа, в советской России положение мужчин и женщин в начале трудовой карьеры сильно различалось. Различия в первую очередь связаны с распределением по секторам экономики: преобладание мужчин заметно преимущественно в промышленных отраслях, тогда как женщины в основном преобладают в таких отраслях, как образование, здравоохранение, торговля и бытовое обслуживание населения. Впрочем, как известно, гендерная сегрегация в экономике зачастую влечет за собой и гендерное неравенство в характере рабочих мест и уровне занимаемых позиций (Katz 1997; Ogloblin 2005). Это также подтверждается результатами анализа: советские женщины заметно уступали мужчинам в доступе к руководящим позициям, причем даже в тех секторах экономики, где женщины были типично представлены чаще мужчин. Причем, что любопытно, общее распределение мужчин и женщин по руководящим и исполнительским позициям говорит скорее об обратном: как правило, женщины занимают более высокие позиции, чем мужчины, но это связано с тем, что к началу трудового пути женщины подходят с более высоким уровнем образования. Указанное преимущество в пользу мужчин обнаруживается лишь при сравнении мужчин и женщин с одинаковым уровнем образования.

Что касается последствий постсоциалистической трансформации, то реформы, как выяснилось, привели к еще большему усилению гендерного неравенства (как горизонтального, так и вертикального), причем это

было связано не столько с усилением мужского преимущества на рынке труда — положение мужчин в этом отношении практически не претерпело никаких изменений — сколько с ухудшением положения женщин.

Во второй части эмпирического анализа акцент перемещен на образовательные стратегии россиян в процессе трудовой карьеры и их обусловленность исходными социальными различиями (Kosyakova 2016, гл. 6). Участие в профессиональном образовании на более поздних этапах жизненного пути представляет собой важный сюжет с точки зрения изучения социального неравенства по нескольким причинам. Прежде всего, его можно рассматривать как способ корректировки ранее принятых решений в отношении образования, препятствующих профессиональному росту и / или смене профессиональной траектории — в этом смысле образование является механизмом, *потенциально* способствующим снижению социального неравенства. Причем особую актуальность соответствующая функция профессионального образования приобретает в контексте перехода от социалистического общества к рыночному, который сопровождается масштабными изменениями в структуре рабочих мест и, как следствие, вынужденными изменениями в индивидуальных трудовых карьерах. Однако реальная способность профессионального образования служить механизмом для снижения неравенства и повышения социальной мобильности зависит, во-первых, от его эффективности (т. е. способности приводить к положительным изменениям в дальнейшей профессиональной карьере), а, во-вторых, от того, как к этому образованию распределен доступ (т. е. наличия или отсутствия привилегированного доступа к дополнительному образованию у тех, кто изначально занимает более выгодные позиции на рынке труда).

В ходе анализа образовательных стратегий россиян на более поздних этапах трудовой карьеры были выделены две общих стратегии — стратегия повышения образования (*upgrading*) и стратегия смены профиля или специализации (*sidestepping*)*. Результаты анализа свидетельствуют о том, что работники с недостаточным уровнем образования в начале трудовой карьеры действительно склонны повышать свой уровень образования на более поздних этапах жизненного пути, тем самым сокра-

* Повышение образования предполагает прохождение обучения по образовательным программам более высокого уровня (например, получение высшего образования при наличии ранее полученного среднего специального). Под сменой специализации имеется в виду получение второго образования, не предполагающее переход на более высокую образовательную ступень (например, получение второго высшего образования при уже одном оконченом).

щая исходный разрыв в уровне человеческого капитала с более образованными работниками, т. е., по крайней мере, в этом отношении дополнительное образование действительно позволяет отчасти снизить уровень неравенства на рынке труда. Однако дело обстоит совершенно иначе, если принять во внимание исходные различия работников в профессиональном статусе на старте карьеры — дополнительно повышать исходный уровень образования также склонны те работники, которые занимают более выгодное положение в начале трудового пути. Таким образом, дополнительное образование выполняет двойственную функцию по отношению к социальному неравенству, с одной стороны, позволяя корректировать нехватку человеческого капитала в начале карьеры, а, с другой, обеспечивая потенциальные преимущества тем, кто уже занимает выгодные рабочие места. Что касается стратегии смены образовательного профиля, то в этом отношении единственным признаком неравенства, как выяснилось, является высокая распространенность данной стратегии среди более образованных женщин.

Анализ также показал, что характер стратификации участия в дополнительном образовании претерпел определенные изменения в результате перехода от социалистической системы к рыночной. Во-первых, значительно сократились возможности для корректировки образовательных стратегий как у работников с исходно невысоким уровнем образования, так и у работников, занимающих наименее выгодные рабочие места в начале трудовой деятельности. Во-вторых, увеличилось участие в дополнительном образовании женщин, причем это заметно не только в отношении повышения исходного образования, но и в отношении смены специализации. В-третьих, гендерное неравенство в указанном отношении в целом изменилось в пользу женщин, что, впрочем, произошло за счет сокращения участия в дополнительном образовании мужчин.

Однако, как уже было замечено выше, роль образования в воспроизводстве социального неравенства зависит не только от характера доступа к нему определенных социальных групп, но и от того, насколько эффективно оно позволяет корректировать будущие профессиональные карьеры. В соответствии с этим в третьей части эмпирического анализа исследуется то, как инвестиции в человеческий капитал на более поздних этапах жизненного пути «окупаются» с точки зрения улучшения положения на рынке труда (Kosyakova 2016, гл. 7). Результаты анализа в целом подтверждают распространенную среди экономистов точку зрения о том, что дополнительные инвестиции в человеческий капитал (причем как посредством повышения уровня образования, так и посред-

ством смены специализации) приводят к улучшению положения на рынке труда и тем самым к формированию более успешной профессиональной карьеры. Однако в ходе более глубокого анализа также выяснилось, что выигрыши от участия в дополнительном образовании распределены неравномерно. В частности, наиболее ощутимые выгоды дополнительное образование приносит тем, кого в начале трудовой карьеры и без того можно было бы отнести к наиболее успешной группе работников (причем это особенно заметно среди женщин — в отношении мужчин результаты анализа характеризуются большей статистической неопределенностью). Наиболее эффективной в этом отношении является стратегия повышения уровня образования — смена специализации, как правило, приводит к менее ощутимым изменениям в профессиональной карьере среди работников, занимавших схожее положение на рынке труда в начале трудовой деятельности. Лишь среди женщин и только в связи со сменой специализации дополнительное образование приводит к частичному сокращению исходного неравенства на старте трудовой карьеры. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что профессиональное образование на более поздних этапах жизненного пути в лучшем случае имеет ограниченный потенциал с точки зрения снижения социального неравенства. Наконец, другим примечательным фактом, установленным в ходе анализа, является то, что связь между профессиональными траекториями и образовательными стратегиями взрослых до перехода к рыночной экономике была более четкой, чем в годы, последовавшие за рыночными реформами, — в результате перехода к рыночной экономике отдача от инвестиций в дополнительное образование стала менее очевидной.

Выводы и следствия из результатов анализа

Постсоциалистическая трансформация и социальное неравенство

В рамках некогда популярной в западной литературе теории перехода к рынку (market transition theory, см. Cao, Nee 2005; Nee 1989; 1991; Nee, Matthews 1996) утверждается, что успех в постсоциалистическом обществе должен зависеть от индивидуальных усилий и достижений в большей степени, чем в социалистическом. Это объясняется тем, что в соответствии с логикой рыночной системы, с одной стороны, усиливается отдача от инвестиций в человеческий капитал, а с другой, снижается отдача от прочих индивидуальных ресурсов и качеств, не имеющих прямого отношения к производительности труда, в их числе — различные

аскриптивные характеристики (в том числе гендер), а также актуальный для успеха в распределительной системе — политический или административный капитал.

Однако результаты представленного здесь исследования находятся в противоречии с тем, что утверждается в рамках указанной теории, и в большей степени согласуются с результатами многих других исследований, показывающих, что в результате перехода от социализма к рыночной экономике неравенство между различными социальными группами не снижается, а, наоборот, как правило, действительно заметно усиливается (подробный обзор см. в: Kosyakova 2016, гл. 2). Во-первых, об этом говорит тот факт, что в постсоветской России выросло (а не снизилось) гендерное неравенство. Во-вторых, естественным предположением в рамках теории перехода к рынку является усиление общего спроса на образование. И хотя сведения о растущем спросе на образование в постсоветской России в целом согласуются с этим утверждением (напр. Капелюшников 2008; Education at a Glance 2012), результаты анализа в данной работе ему противоречат, поскольку указывают на то, что индивидуальный спрос на образование в процессе построения трудовой карьеры снизился. Наконец, теория перехода к рынку предполагает, что отдача от образования увеличивается. Но, по крайней мере, в отношении дополнительных инвестиций в человеческий капитал, в постсоветской России это также не соответствует действительности — по сравнению с советским периодом они стали в меньшей степени способствовать карьерному росту работников, а в отдельных случаях и вовсе перестали приводить к каким-либо значимым улучшениям в положении на рынке труда.

Важность институционального контекста

Как уже было сказано выше, переход к рыночной экономике привел к заметному усилению социального неравенства в постсоветской России, что в целом соответствует процессам, разворачивавшимся в других постсоциалистических странах при аналогичных институциональных изменениях. В то же время Россию отличает своя специфика, и, представляется, что эта специфика связана с особым институциональным контекстом, сложившимся в этой стране до и после постсоциалистической трансформации.

В частности, можно выделить, по крайней мере, четыре возможные причины, которые могли способствовать усилению гендерного неравенства. Первая из них — резко ослабшая связь между системой образова-

ния и рынком труда. Это означает, что уровень образования, который в нормальной рыночной системе является сигналом потенциальной производительности работника, перестал выполнять соответствующую функцию, тем самым уступив место аскриптивным характеристикам, таким как гендер, в процессе найма работников. Вторая — специфическая социальная политика, сложившаяся в постсоветской России, в отношении семьи и женщин с детьми. Дискриминация женщин со стороны потенциальных работодателей зависит от факторов, которые увеличивают риск и длительность отрыва женщин от производства в связи с рождением и воспитанием детей. В России к этим факторам следует отнести, с одной стороны, слабую инфраструктуру дошкольного образования и обеспечения ухода за детьми, а, с другой, элементы социальной политики и трудового законодательства, которые, по крайней мере формально, гарантировали сохранение за женщиной рабочего места и части заработка на период ухода за детьми. Наконец, третья причина — высокая роль неформальных отношений и социальных связей при устройстве на работу и для карьерного продвижения (также хорошо освещенные в социологической литературе: Guariglia, Kim 2006; Kim 2002; Yakubovich, Kozina 2000; Yakubovich 2005). С учетом того, что российские женщины, как правило, не имеют столь широкого доступа к соответствующим социальным связям и сетям, как мужчины (Ashwin, Yakubovich 2005; Gerber, Mayorova 2010), это обстоятельство также могло способствовать ухудшению их положения на рынке труда.

Выявленная ранее слабость социальной функции образования как фактора социальной мобильности для взрослых, находящихся в процессе построения своей профессиональной карьеры, по всей видимости, является следствием кардинальных изменений в постсоветской образовательной системе. Прежде всего, это связано с тем, что государство не только перестало быть ключевым актором, обеспечивающим координацию последней с системой распределения труда, тем самым ослабив связь между образованием и карьерными перспективами, но и значительно снизило свою роль как основного инвестора в развитие образования, тем самым переложив все издержки и риски, связанные с его получением, на плечи частных лиц. К этому следует добавить общую высокую неопределенность на постсоветском рынке труда, в результате которой издержки и риски, связанные с получением образования, значительно выросли не только для самих работников, но и для работодателей. В результате сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, экономическая реструктуризация и интенсификация конкуренции,

обусловленные интеграцией России в глобальную рыночную экономику, объективно должны были подстегнуть спрос на образование и пере-квалификацию, а с другой, только что перечисленные факторы способствовали его сокращению.

Эффект Матфея

Процессы формирования жизненных траекторий в советской и пост-советской России также являются прекрасной иллюстрацией мертоновского эффекта Матфея в действии. Так, в исследовании показано, что более высокие шансы на успешный старт в начале трудовой карьеры имеют индивиды с исходно более высоким уровнем образования. Более того, исходные преимущества продолжают накапливаться по мере вы-страивания карьеры, и хотя работники с недостаточным уровнем обра-зования, как правило, активно стараются компенсировать свое от-ставание посредством дополнительных инвестиций в образование, эти инвестиции не приносят им столь же ощутимых преимуществ, как тем, кто уже занимает более выгодное положение на рынке труда. К тому же, как выяснилось, в ряде случаев эффект Матфея проявляет себя еще и через межпоколенную мобильность: хотя это не было центральным сюжетом в диссертационном исследовании, в отдельных частях работы показано, что выходцы из наиболее благополучных семей склонны ис-пользовать наиболее успешные образовательные стратегии, которые, в свою очередь, способствуют формированию успешных профессио-нальных карьер.

Непрерывное образование

В работе последовательно продвигается идея о том, что образование для взрослых, т. е. образование, получаемое на более поздних этапах жизненного пути, в процессе построения трудовой карьеры является важной частью индивидуальной образовательной траектории и процес-са непрерывного образования как такового. Кроме того, принятый в дис-сертации подход к классификации образовательных стратегий не только строится на отвечающей современным представлениям концепции не-прерывного образования, но также проводит различие между двумя стратегиями, имеющими различный потенциал с точки зрения улучше-ния положения на рынке труда — стратегией повышения образования и перепрофилирования (смены специализации). Концептуальное разли-чие между двумя этими стратегиями составляет определенную новизну данной работы, поскольку в существующей литературе оно практически

не встречается (за исключением разве что Li et al. 2000; Vono de Vilhena et al. 2016) и не рассматривалось в приложении к изучению проблем социальной стратификации.

Первая стратегия предполагает повышение уровня человеческого капитала. Потенциал этой стратегии представляется очевидным: более высокий уровень образования является сигналом более высокой мотивации и производительности работника, тем самым повышая его привлекательность для работодателя и оправдывая претензии на более высокий уровень оплаты труда, выгодную должность и карьерный рост.

В отличие от первой стратегии, вторая — смена специализации — в той или иной степени сопряжена с амортизацией уже накопленного человеческого капитала, поскольку с получением нового образования предыдущие знания и навыки могут снизить относительную полезность для своего обладателя и перестать активно им использоваться. В силу этого данная стратегия является более рискованной, особенно если принять во внимание тот факт, что эффективность обучения снижается с возрастом (Neckman 2006). Как бы то ни было, смена специализации также является своеобразной страховкой от рисков, связанных с неустойчивым положением на рынке труда (например, в том случае если текущий род занятий не гарантирует карьерного роста), и открывает возможности для смены профессиональной траектории. В диссертации приводятся подробные теоретические аргументы относительно мотивов и ограничений, влияющих на выбор данной стратегии, в зависимости от исходного уровня образования работников, а также того, насколько удачным с точки зрения карьерного роста является начало их профессиональной карьеры.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований

Наконец, необходимо перечислить ограничения анализа, которые могут послужить отправной точкой дальнейших исследований. Поскольку исследование основано на анализе ретроспективных данных, нельзя не принять во внимание вероятную ошибку памяти (*recall bias*), вызванную различием в точности и полноте воспоминаний о прошлом жизненном опыте. Оценить серьезность искажений в результатах анализа, связанных с этой проблемой, не представляется возможным, однако можно предположить, что эти искажения вряд ли слишком существенны, поскольку анализируемый в работе жизненный опыт приходится на период резких социальных потрясений в российском обществе, которые также, вероятно, могли способствовать большей ясности воспоминаний. Вторым возможным источником искажений являются систематические

статистические ошибки, обусловленные неравномерным уровнем смертности в разных группах населения (*mortality bias*), причем эти ошибки заметно усиливаются в старших возрастных группах, тем самым давая смещенное представление о типичном жизненном опыте соответствующих поколений (Bessudnov 2011; Bessudnov et al. 2011). В то же время необходимо признать, что, несмотря на указанные ограничения, используемый в работе источник информации является уникальным по своим исследовательским возможностям, поскольку он содержит данные о жизненных траекториях россиян как в советский, так и постсоветский период.

Вторая проблема связана с ограниченностью самого спектра социологической информации, содержащейся в материалах используемого опроса. Ретроспективные сведения о респондентах не содержат информации о доходах, а также более подробных характеристиках сферы деятельности и рода занятий, которые позволили бы точнее реконструировать профессиональные карьеры респондентов и оценить их успешность. То же касается и сведений об образовательных стратегиях, которые при наличии более подробной информации, возможно, позволили бы выйти за рамки принятой в работе классификации и рассмотреть более сложные маневры в индивидуальных образовательных траекториях. Для более глубокого изучения гендерных аспектов неравенства также полезной могла бы оказаться отсутствующая в опросе информация о том, как сами респонденты оценивают успешность своих профессиональных карьер относительно собственных предпочтений и притязаний.

Третья проблема — типичная для других исследований подобного типа — состоит в недостаточно строгой идентификации причинно-следственных связей. В работе анализируется влияние радикальных социальных изменений на сдвиги в индивидуальных образовательных и профессиональных карьерах, однако наблюдаемые сдвиги на самом деле могут отражать влияние многих параллельных процессов. В частности, процесс общественного переустройства в России, как и во многих других постсоциалистических странах, сопровождался масштабным экономическим кризисом и снижением общего уровня жизни, которые также оставили определенный след на жизненных траекториях россиян. Для того чтобы изолировать эффекты непосредственных изменений в социальном и институциональном контексте, вероятно, необходимы наблюдения, охватывающие более длительный период (включающий, например, временный экономический спад в конце 1990-х и в конце первого десятилетия 2000-х гг.) и/или позволяющие провести более четкое разграничение между отдельными периодами советской и постсоветской

эпохи. С практической точки зрения реализовать такой дизайн исследования можно было бы на основе существующих лонгитюдных обследований (например, РМЭЗ — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ), если предусмотреть возможность сбора недостающей ретроспективной информации о жизненных траекториях в советский период в рамках уже действующей модели сбора данных.

Наконец, учитывая, что представленный в работе анализ описывает процессы, разворачивавшиеся в рамках отдельно взятого российского общества, обладающего, как уже было сказано, своей спецификой, выявленные закономерности следует с осторожностью генерализировать на другие постсоциалистические общества. Для выявления общих и частных аспектов трансформации неравенства в процессе постсоциалистической трансформации необходимы дополнительные сравнительные исследования. Представляется, что успешные шаги в этом направлении дали бы более ясное представление о динамике постсоциалистических обществ: сближаются ли они с распространенными в западном развитом мире моделями капитализма (Esping-Andersen 1990) или трансформируются в какой-то особый, новый тип общества (см. например: Fenger 2007).

Перевод с английского Г.А. Ястребова

Литература

Капелюшников Р. *Записка об отечественном человеческом капитале*. Препринт WP3/2008/01. Серия WP3: Проблемы рынка труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Фрумин И., Кузьминов Я., Семенов Д. Незавершенный переход от госплана к мастер-плану // *Отечественные записки*, 2013, 4(55).

Ashwin S., Yakubovich V. (2005) Cherchez la Femme: Women as Supporting Actors in the Russian Labour Market. *European Sociological Review*, 21(2): 149–164. doi:10.1093/esr/jci010

Bessudnov A. (2011) *Essays on Occupational Social Class and Status in Post-Soviet Russia*. University of Oxford.

Bessudnov A., McKee M., Stuckler D. (2011) Inequalities in male mortality by occupational class, perceived status and education in Russia, 1994–2006. *European Journal of Public Health*, 1–6. doi:10.1093/eurpub/ckr130

Blau P.M., Duncan O.D. (1969) *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.

Buchmann C., Hannum E. (2001) Education and Stratification in Developing Countries: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*, 27(1): 77–102.

Buchmann M., Charles M. (1995) Organizational and Institutional Factors in the Process of Gender Stratification: Comparing Social Arrangements in Six European Countries. *International Journal of Sociology*, 25(2): 66–95.

Burawoy M., Krotov P. (1992) The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry. *American Sociological Review*, 57(1): 16. doi:10.2307/2096142

Cao Y., Nee V. (2005) Remaking Inequality: Institutional Change and Income Stratification in Urban China. *Journal of the Asia Pacific Economy*, 10(4): 463–485. doi:10.1080/13547860500291653

Dieckhoff M. (2007) Does it Work? The Effect of Continuing Training on Labour Market Outcomes: A Comparative Study of Germany, Denmark, and the United Kingdom. *European Sociological Review*, 23(3): 295–308.

DiPrete T.A., Eirich G.M. (2006) Cumulative Advantage as a Mechanism for Inequality: A Review of Theoretical and Empirical Developments. *Annual Review of Sociology*, 32(1): 271–297. doi:10.1146/annurev.soc.32.061604.123127

Education at a Glance 2012. (2012) OECD Publishing. doi:10.1787/eag-2012-en

Elder G.H.J., Kirkpatrick Johnson M., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory, in: J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.). *Handbook of the Life Course*. New York: Kluwer Academic Publishers: 3–19.

Elman C., O'Rand A.M. (2004) The Race Is to the Swift: Socioeconomic Origins, Adult Education, and Wage Attainment. *American Journal of Sociology*, 110(1): 123–160. doi:10.1086/386273

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. London: Polity Press.

Fenger M.H.J. (2007) Welfare regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating post-communist countries in a welfare regime typology. *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, 3(2): 1–30.

Gerber T.P., Hout M. (1998) More Shock than Therapy: Market Transition, Employment, and Income in Russia, 1991–1995. *American Journal of Sociology*, 104(1): 1–50.

Gerber T.P., Mayorova O. (2010) Getting Personal: Networks and Stratification in the Russian Labor Market, 1985–2001. *American Journal of Sociology*, 116(3): 855–908. doi:10.1086/655750

Gorodnichenko Y., Sabirianova Peter K., Stolyarov D. (2010) Inequality and Volatility Moderation in Russia: Evidence from Micro-Level Panel Data on Consumption and Income. *Review of Economic Dynamics*, 13(1): 209–237.

Guariglia A., Kim B.-Y. (2006) The dynamics of moonlighting in Russia. What is happening in the Russian informal economy? *The Economics of Transition*, 14(1), 1–45. doi:10.1111/j.1468-0351.2006.00233.x

Heckman J.J. (2006) Investing in Disadvantaged Children. *Social Sciences*, 312(June), 2005–2007.

Hedlund S. (2013) *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kapeliushnikov R., Kuznetsov A., Kuznetsova O. (2011) Diversity within capitalism: the Russian labour market model. *Employee Relations*, 33(4), 395–412. doi:10.1108/01425451111142693

Katz K. (1997) Gender, wages and discrimination in the USSR: a study of a Russian industrial town. *Cambridge Journal of Economics*, 21(4), 431–452.

Kim B.-Y. (2002) The participation of Russian households in the informal economy: Evidence from the VTsIOM data. *Economics of Transition*, 10(3), 689–717. doi:10.1111/1468-0351.t01-1-00130

Kosyakova Y. (2016) *The Regime Change and Social Inequality. Educational and Job Careers in the Soviet and Post-Soviet Russia*. European University Institute.

Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P. (2015) Horizontal and Vertical Gender Segregation in Russia — Changes upon Labour Market Entry before and after the Collapse of the Soviet Regime. *European Sociological Review*, 31(5): 573–590. doi:10.1093/esr/jcv060

Lenski G.E. (1966) *Power and Privilege: A Theory of Social Stratification*. New York: McGraw-Hill.

Li J.H., König M., Buchmann M., Sacchi S. (2000) The Influence of Further Education on Occupational Mobility in Switzerland. *European Sociological Review*, 16(1): 43–65. doi:10.1093/esr/16.1.43

Mayer K.U. (2006) After the Fall of the Wall: Living Through the Post-Socialist Transformation in East Germany, in: M. Diewald, A. Goedicke, K.U. Mayer (eds.). *After the fall of the wall: life courses in the transformation of East Germany*. Stanford: Stanford University Press: 1–28.

Merton R.K. (1968) The Matthew Effect in science: The reward and communication systems of science are reconsidered. *Science*, 159(3810): 56–63.

Müller W., Gangl M. (2003) The transition from school to work: a European perspective, in: W. Müller, M. Gangl (eds.). *Transitions from Education to Work in Europe. The Integration of Youth into EU Labour Markets*. Oxford: Oxford University Press: 1–19.

Nee V. (1989) A Theory of Market Transition: From Redistribution to Markets in State Socialism. *American Sociological Review*, 54(5): 663. doi:10.2307/2117747

Nee V. (1991) Social Inequalities in Reforming State Socialism: Between Redistribution and Markets in China. *American Sociological Review*, 56(3): 267. doi:10.2307/2096103

Nee V., Matthews R. (1996) Market Transition and Societal Transformation in Reforming State Socialism. *Annual Review of Sociology*, 22: 401–435. doi:10.1146/annurev.soc.22.1.401

Ogloblin C. (2005) The sectoral distribution of employment and job segregation by gender in Russia. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 5(2): 5–18.

The World Bank. Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. (2002) Library. Washington D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank.

Vono de Vilhena D., Kosyakova Y., Kilpi-Jakonen E., McMullin P. (2016) Does adult education contribute to securing non-precarious employment? A cross-national comparison. *Work, Employment & Society*, 30(1): 97–117. doi:10.1177/0950017014561335

Yakubovich V. (2005) Weak Ties, Information, and Influence: How Workers Find Jobs in a Local Russian Labor Market. *American Sociological Review*, 70: 408–421. doi:10.1177/000312240507000303

Yakubovich V., Kozina I. (2000) The Changing Significance of Ties An Exploration of the Hiring Channels in the Russian Transitional Labor Market. *International Sociology*, 15(3): 479–500.